

ИГОРЬ ПЕТРОВИЧ, за вашими плечами большая жизнь. Что более всего в ней запомнилось?

— Если б я мог мыслить при рождении, — то самый день рождения. Мне повезло: я появился на свет. Но если серьезно, то детство до 1937 года, встреча сначала с отцом, а потом с матерью — после их ареста и долгой разлуки. И, конечно, 9 мая 1945 года. То был взрыв радости и сознание, что я чувствую то же, что и весь народ.

— Некоторые клянут те времена, другие превозносят. Вы с кем — с первыми или вторыми?

— Как можно клясть собственное прошлое? Другого у нас не будет. Но Сталиным я восхищаться не могу. Мошь, построенная на костях, — не мошь. СССР бы не развалился, если б у него был иной фундамент. Читая недавно сборник документов «ГУЛАГ (1918 — 1960)», я обнаружил там и свой след. Оказывается, после ареста отца я — мне тогда было шесть лет — был включен в «именные списки, на меня собирались «установочные данные и компро-

ла проблема — служить или не служить?

— Где бы я ни работал — учителем в школе, газетчиком, корреспондентом радио, мне кажется, я служил: ученикам, читателям, слушателям. Когда грянула перестройка, один быстро прыгнувший в окружение президента литератор предложил мне баллотироваться в Верховный Совет. Он назвал даже округ, где «у нас, — как он выразился, — есть место». Я отказался.

— Вы довольны тем, что сделали?

— Можно было сделать и больше. Написать книгу о Лермонтове, книгу о Лескове. Но на каждую такую работу надо положить не меньше десяти лет. Надо капитально погрузиться в эпоху, пережить или, как говорил Сергей Булгаков, *изжить* ее. И то же сделать со своим героем. Таких ресурсов у меня нет.

— Кстати, о Булгакове, но Михаиле Афанасьевиче. Вы только что сняли телевизионный фильм о нем. Не боитесь повторения? Кажется, о творце «Мастера и Маргариты» ничего нового нельзя сказать.

— Булгакова я люблю. Восхищаюсь «Мастером и Маргаритой»,

ли, отлучали от истины, у вас было немало врагов. Не испытываете ли вы сейчас нехватку этого напряжения, сопротивления среды, которое всегда вдохновляет?

— Напряжение не вне, а внутри нас. Кроме того, наступает момент, когда надо уйти в сторону, остановиться и осмотреться. Это пауза накопления. Только что вышла моя книга «На лестнице у Раскольникова». Она составлена из эссе последних лет. Может, там найдете ответ.

— Современный читатель знает вас не столько как критика, а как автора телевизионных фильмов о Бунине, Набокове, Платонове. Что дает вам телевидение?

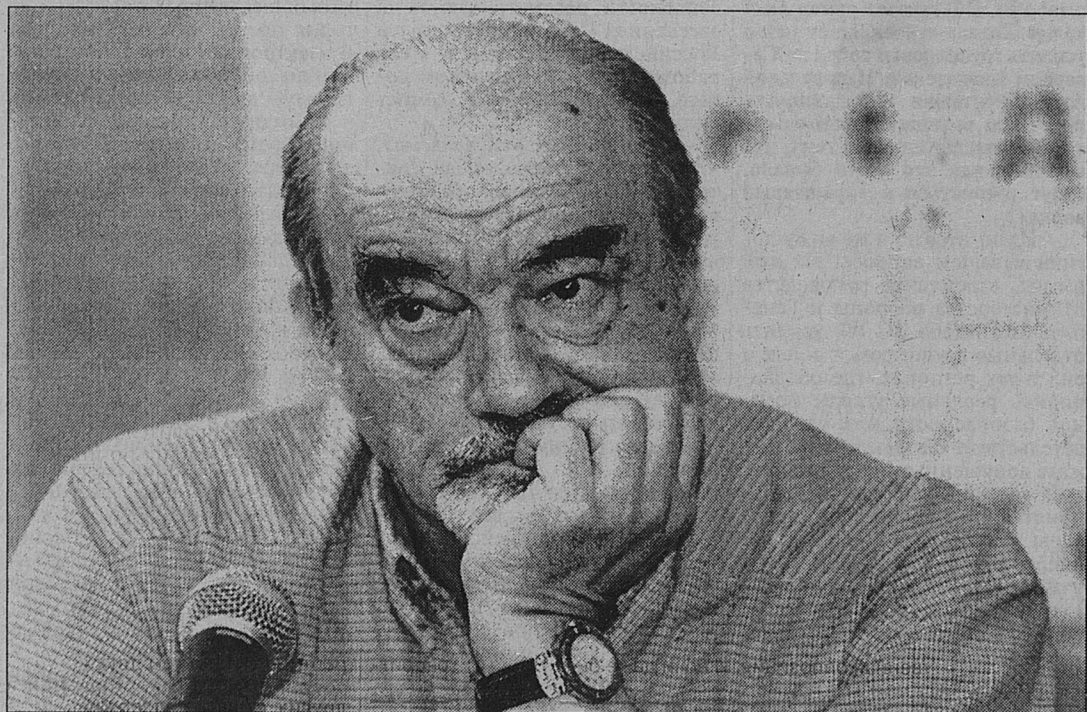
— То, что перестала давать критика, — аудиторию. Здесь знаешь, что говоришь с огромным числом людей. Между прочим, в старое время даже критик (не говоря о прозаиках и поэтах) получал пачки писем от читателей. И продолжением вышедшей в свет статьи становилась переписка. Сейчас такой обратной связи нет.

— В чем по-вашему талант критика?

— Я в юности обожаю Белинского, запоем читал статьи Писарева. Добролюбова и Чернышевского почему-то не хотелось читать: пи-

«Я УШЕЛ ИЗ ЭТОГО ЖАНРА»

Юбиляр Игорь Золотусский считает, что литературные критики потеряли аудиторию

Игорь Золотусский.
Фото Петра Кассина (НГ-фото)

метирующие материалы», а по прибытии в приемник-распределитель ГУЛАГа НКВД за моим «политическим настроением» установил наблюдение. Одна из инструкций НКВД гласила: «Приступить к вербовке агентурно-осведомительной сети из числа старших возрастов несовершеннолетних. Каждую вербовку тщательно подготавливать. Личных дел на завербованных не заводить, а ограничиться отображением подписки о неразглашении, не указывая в ней о привлечении к секретному сотрудничеству. Особое внимание уделить агентурному обслуживанию детей репрессированных».

— В статье «Сердце Ельцина» еще три года назад вы писали, что Ельцин заслуживает доброго слова в истории.

— Эпоха гниения наверху и отчаяния внизу. Но, слава Богу, не случилось гражданской войны. И народ, хотя и покалеченный, уцелел. А вообще-то я эту эпоху пропустил. Это было не мое время. Многие годы занимаясь русской литературой XIX века, я не только изучал ее, но и жил ею и в ней. Перейти из ее мира в мир постсоветской реальности я не смог.

— Разделяете ли вы точку зрения, что единственная позиция интеллигенции — позиция противостояния власти?

— Это детское утешение для тех, кто ни на что, кроме как на противостояние, не способен. Ведь это легче всего — быть в оппозиции. Не надо ничего создавать, ни за что отвечать. Вот и некоторые из современных авторов уж который год с упорством, достойным лучшего применения, развенчивают социализм. Их проза и стихи — затянущиеся поминки по советской литературе. Помните, когда-то был такой девиз: «Советское — значит отличное». Перефразируя его сегодня, можно сказать: «Анτισоветское — еще не значит отличное». Кроме того, если иметь в виду писателей XIX века, то кто из них находился в оппозиции к власти? Карамзин, Пушкин, Гоголь, Тютчев, Достоевский? Можно, конечно, вспомнить лермонтовские «мундиры голубые», но и для Лермонтова это была его власть. Ему могли быть противны жандармы, как личность не нравилась царь. Но неужто вы думаете, что Лермонтов хотел мужицкой революции? И чтоб кухарка управляла государством? Кое-кто из классиков состоял на службе, другие подавали записки с советами (Карамзин «Записку о древней и новой России» — Александру I, Пушкин «Записку о народном образовании» — Николаю I), третьи (Иван Аксаков, Юрий Самарин) помогли Александру II провести крестьянскую реформу. Да и Толстой, этот возмутитель спокойствия, был больше в оппозиции к себе — к дурному в себе, чем к Николаю II или правительству.

— Перед вами никогда не встала-

но выше ставлю роман «Белая гвардия». В фильме мне хотелось сместить акцент в сторону «Белой гвардии», которую читатель почти не знает и которую Булгаков более всего любил из им написанного. «Белая гвардия» — роман молодости, роман надежды, «Мастер и Маргарита» — роман прощания с жизнью. В 1982 году я написал об этом статью. Мне удалось ее напечатать лишь спустя восемь лет. Никто из редакторов не хотел соглашаться с тем, что «Белая гвардия» — роман покаяния, а «Мастер и Маргарита» — роман мщения и смерти. Тезис «Белой гвардии» — «все мы в крови повинны» (слова из молитвы Елены Турбиной), антитезис «Мастера и Маргариты» — «все счета оплачены» (слова Воланда, подтверждаемые Мастером).

— Можно сказать, что «Мастер и Маргарита» — это христианский роман?

— Хотя в нем присутствуют реминисценции из Евангелия, я назвал бы его менее христианским, чем «Белая гвардия». Мастер, прощаясь с Иваном Николаевичем Поньревым, говорит: «Вы о нем продолжение напишите». Речь идет об Иешуа, то есть о Христе. Но вспомните последние строки романа. Иван Николаевич засыпает, усыпленный шприцем с «жидкостью густого чайного цвета». Это наркотический сон. К тому же в его квартире «властвует луна». Она вламывается в окна, разливается по полу наводнением. Свет мертвого тела — Луны — последний свет, который видят герои Булгакова и читатели романа.

— А что вы скажете о христианской традиции в современной прозе?

— Не могу взять на себя смелость дать полный ответ на такой вопрос: я редко читаю современных авторов. Не считая за шутку, но мне кажется, что советская литература гораздо ближе стояла к христианскому идеалу, чем ее наследница. Она привирала, конечно, но и утешала или старалась утешить. Сегодня меня стараются уверить, что подлее человека нет ничего на свете. Может, оно и так. Но и лучше его тоже нет. Надо, по-моему, исходить из этой посылки. Воссоединение с Толстым и Чеховым неизбежно: безусловно, воссоединение в духе, а не в приемах.

— Вы — прирожденный критик, но вас давно уже не видели в этом качестве. В чем дело?

— Я ушел из этого жанра в свободное плавание, в эссеистику.

— В чем провинилась критика?

— Она стала терять аудиторию. Писать для двух-трех приятелей я не привык. Кто сейчас читает критическую статью? Критик, который ее написал. Приятель критика. И писатель, о котором эта статья написана.

— Вы были одним из самых нелицеприятных критиков. Вас руга-

ли, отлучали от истины, у вас было немало врагов. Не испытываете ли вы сейчас нехватку этого напряжения, сопротивления среды, которое всегда вдохновляет?

— Можете назвать хоть одного такого критика из ныне пишущих?

— Они есть. Один из них — Мария Ремизова.

— Вы, наверное, заметили, что я не задал вам ни одного вопроса о Гоголе, в частности, о его музее в Москве, который вы «пробиваете» много лет.

— В начале 1999 года я встречался с Юрием Лужковым. Он сказал, что музей будет. Но, видно, Илья Глазунов, которому он «подарил» два дома на Арбате или самодельный Александр Шиллов, имеющий постоянный дом-выставку в двух шагах от Кремля, ему дороже, чем Гоголь. Почистили дорожки у дома 7а по Никитскому бульвару, где жил Гоголь, высадили у его памятника цветы, поставили скамейки. Прошел год — ни скамеек, ни цветов. Напомню: у Гоголя нет музея не только в Москве, его нет и во всей России.

— Вы столько лет положили на изучение творчества Гоголя. Этот роман с Гоголем исчерпан?

— В новой книге, о которой я уже упомянул, целый блок статей посвящен ему. А следующая работа, если мне удастся написать ее, будет называться «Гоголь и Достоевский». Захватывающий сюжет...

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Игорь Петрович Золотусский, писатель, критик. Родился 28 ноября 1930 г. В 1949 г. закончил историко-филологический факультет Казанского университета. Работал учителем в средней школе в Хабаровске, потом — в газете «Молодой дальневосточник» и на Хабаровском радио. С 1967-го по 1971 г. и с 1990-го по 1993 г. работал в «Литературной газете», сначала обозревателем, потом зав. редакцией русской литературы. Автор книги «Гоголь», вышедшей в серии «ЖЗЛ», книг — «Фауст и физики», «Трепет сердца», «По следам Гоголя» и других. Член ПЕН-клуба.